ГЛАЗА ЦВЕТА НЕБА

«В твоих глазах цвет неба моего детства…»
Северин Краевский

Глава 1.

Поезд медленно подошёл к перрону и устало остановился.
Я вышел из вагона, срезал путь по лесной тропинке у озера и быстрым шагом направился домой, к бабушке.
Так начался мой летний курсантский отпуск после окончания второго курса военного училища. Приехал я тогда к бабушке в литовский город Друскининкай, где уже находился

мой отец. Он служил в туркменском Небит-Даге и тоже приехал в город своего детства в очередной офицерский отпуск. Зимой того года умер дедушка, и мы с отцом решили совместить свои отпуска, чтобы благоустроить его могилу. Стоило это всегда недёшево, а лишних денег, чтобы заплатить шабашникам (ритуальных частных фирм тогда ещё не существовало), у нас в семье не водилось по определению. Поэтому мы с батей решили самостоятельно заняться благоустройством участка и сооружением памятника.
Слёзы радости при встрече, долгие объятия и поцелуи с бабушкой (я всегда был у неё любимчиком),

«наркомовские» сто грамм с отцом – вот он, мой счастливый и долгожданный отпуск!
Потянулись беззаботные дни отдыха. Причём целых два!
У моего бати особо не забалуешь и никогда не расслабишься. Сам будучи трудоголиком (скорее, просто человеком необыкновенно работящим), он и мне спуску в этом плане никогда не давал.
Отец, например, вообще не отдыхал,
а лишь временно переключался на другой вид деятельности. Помню, как-то в глубоком детстве я окончательно «запарился», таща тяжеленную сумку, а отец невозмутимо посоветовал:

– Устал? Тогда возьми сумку в другую руку!
Итак, через два дня мы с папой уже работали на старом городском кладбище.
Работы было вагон и маленькая тележка: сделать общую опалубку семейного участка на шесть могил, залить её бетоном, то же самое проделать с цветниками, затем всё это оштукатурить с мраморной крошкой и установить металлическую ограду.
Работа тяжёлая, с постоянными замесами раствора и таскaнием воды и песка буквально «на горбу», причём с удалённой «кудыкиной горы».
Евгений Степанович, мой отец, был мудрым руководителем и,

чтобы низы (то есть я) не взбунтовались против его капиталистической потогонной системы, умело чередовал тень кнута с тенью пряника.
Вся наша с ним тяжёлая работа прерывалась обедом и ежедневным небольшим стограммовым возлиянием. А после работы, приняв душ, мы ужинали и употребляли уже несколько больше, чем позволяла дневная наркомовская норма.
Таким образом отец быстро и виртуозно меня приручил, чтобы я не роптал и не бунтовал.
Альтернативы у меня не было, денег тоже (курсантские отпускные закончились ещё по дороге), поэтому оставалось

руководствоваться известным принципом: «Бери больше – кидай дальше», а потом сразу – «Наливай, поговорим…»
При таком режиме дня я даже забыл, что мне всего двадцать лет, а это, как известно, самый что ни на есть гиперсексуальный период в жизни мужчины.
Прошло несколько дней. Работаем мы с отцом после обеда, и вдруг мимо нас проплывает, не побоюсь этого красочного эпитета, ослепительная девушка-видение, почти небесное создание!
Она вдруг садится на скамеечку рядом, буквально у соседнего памятника, достаёт платочек и начинает горько-горько плакать.

Работать под чужие слёзы как-то не очень комфортно, поэтому мы с отцом деликатно отошли в сторону покурить. Возвращаемся через некоторое время, а эта НЕБОЖИТЕЛЬНИЦА уже рыдает в полную силу.
Я не выдержал, подошёл и спросил, могу ли чем-нибудь ей помочь.
Девушка подняла на меня глаза…
И я пропал…
Они у неё были удивительные:
и размером, и цветом – как небо!
А «Принцесса» потом буквально упала мне на грудь и продолжила рыдать уже на ней.
Сквозь горькие-горькие слёзы она с трудом рассказала, что… опоздала на автобус!

Я успокоил её, немного развеселил (насколько это было возможно в условиях кладбища) и повёл показать могилу родителей знаменитого художника и композитора Микалоюса Чюрлёниса. Девушка оказалась приезжей и никаких наших достопримечательностей не знала. Папа, когда мы проходили мимо него, тихо шепнул мне:

– Чтобы наша была!

Имелось в виду, конечно же, чтобы я не упустил своего счастья и всерьёз за него поборолся. Сегодня я прекрасно понимаю отца, потому что сам иногда говорю сыну почти то же самое… Нужно отметить, что литовские кладбища своей ухоженностью,

лоском и богатством памятников зачастую напоминают красивые парки. Меня, например, такая обстановка совершенно не угнетает безнадёгой бренности бытия и грустным окружением. Чувствую я себя там вполне нормально.

А тогда я уже целую неделю работал в этой весьма специфической атмосфере, да ещё в дождливую погоду успел выпить водки с местным сторожем, фамилию которого помню до сих пор, – Сорока. Его «офис» располагался в полуразвалившейся часовне-капличке.

Поэтому со своей прекрасной спутницей я держался вполне уверенно и весело. А может, это

мои обеденные сто грамм так благотворно сказались?
Я представился, она тоже, и мы познакомились.
У девушки было удивительно нежное, а главное, редкое имя – Янина. Никогда в жизни у меня больше не было знакомых женщин с таким именем. И, наверное, в этом есть какая-то особая знаковость…
Мы беседовали о каких-то пустяках, и всё было мило, легко, приятно и непринуждённо. Ну, естественно, с небольшой поправкой на особый колорит кладбища-парка.
Затем мы вернулись к отцу, я их познакомил, и уже через пять

минут они с моим батей оживлённо беседовали на польском языке.
Дело в том, что в доме моей бабушки всегда говорили «тылько» (только) по-польски. Отец даже учился в польской школе. Ведь Советский Союз пришёл в этот их «медвежий угол» только в 1944 году, при его освобождении от фашистов.
Янина была из Вильнюса, а там польская диаспора всегда была весьма многочисленной – по численности вполне сопоставимой с литовцами и другими народами аборигенами. Поэтому польский язык, или, как говорили местные, «полски ензык», звучал там повсеместно.

В Друскининкае Янина отдыхала в санатории «Эгле». Здравница находилась немного в стороне от города. Транспорт туда ходил регулярно, но интервалы между автобусами были достаточно большими.
Принцесса, опоздав на автобус, опоздала и на свои медицинские процедуры, и на обед в том числе. Отсюда и горькие слёзы, и жгучее ощущение безысходности.
Услышав эту историю, папа почувствовал себя настоящим ясновельможным паном. В нём проснулся польский аристократ!
– Борис, сейчас же возьми такси и отвези Яну в санаторий! А перед этим сходите куда-нибудь пообедать!

И сунул мне в руку (ЦЕЛЫХ!) двадцать рублей…

Глава 2.

Я прекрасно знал, что с деньгами у нас с отцом было не густо, но отказаться от такого предложения, которое по его интонации напоминало приказ, категорически не смог.
Переодевшись в сторожке у Сороки, я повёл свою королеву мимо озера Друсконис и костёла в ближайшее кафе «Айдас». Бутылка шампанского «Алита», салатики и шашлык по-карски обошлись мне почти в десять полновесных советских рублей. О времена, о цены!

Такси в обе стороны – ещё четыре рубля. Ох!
Проводив свою принцессу, я, хорошо помня ежедневные бабушкины напутствия: «Борисик, зАвше цАлуй рЭнки кобЕтам и панЕнкам!» (Борис, всегда целуй руки женщинам и девушкам!), поцеловал Янине руку и попросил когда-нибудь встретиться ещё.
Она не возражала и согласилась на «сегодня же вечером».
Отец ждал меня и почему-то переживал, как «молодой повеса» у классика. Узнав, что мы с Яной договорились о вечернем свидании, он отменил мою законную вечернюю чарку.
И, наверное, правильно сделал. Уж слишком красиво и романтично всё

складывалось и начиналось, чтобы сбить это «на взлёте» вульгарной рюмкой водки.
На свидание моя принцесса опоздала.
У большинства женщин это, видимо, обязательное условие начала отношений.
Я стоял, ждал её и чувствовал внутри неприятный холодок:
а вдруг не придёт?
Ведь я уже утонул и пропал в её бездонных глазах, хотя ещё не совсем это осознавал. Не зря существует выражение «любовный недуг»: ты ещё ничего толком не понимаешь, а болезнь уже вовсю прогрессирует.
Яна наконец появилась, и все мои страхи моментально улетучились.

Боже, какие же у неё были удивительные по красоте синие глаза!
Я снова невольно ими залюбовался, а любовная химия внутри меня уже выдала на-гора адреналин со всеми необходимыми ингредиентами. И процесс пошёл, пошёл, пошёл…
Я фонтанировал, шутил и балагурил. Из меня сыпались анекдоты, шутки и весёлые истории, которые ей нравились до слёз.

Всё в природе можно привести к общему знаменателю, поэтому большинство влюблённых мужчин мало чем отличаются от токующих

тетеревов и селезней. А я тогда перед ней токовал!
Да ещё как токовал!
Чувствовалось, что я приятно удивил свою прекрасную спутницу, потому что ей тоже передалось это моё весёлое многословие.
Через час я знал о ней если не всё, то очень многое.
Например, уже знал, что она была замужем и совсем недавно развелась. С мужем они, как это обычно бывает, просто не сошлись характерами и вообще совершенно не подходили друг другу.
Последнее обстоятельство вселяло в меня большую надежду!
Ещё я узнал, что её папа – большой начальник, партийный функционер, и именно он отправил

любимую дочку отдыхать в лучший санаторий Литвы, чтобы она забыла все ужасы и перипетии развода.
Ужинали мы в кафе «Васара» на берегу Нямунаса (так в Литве называют Неман).
Шампанское и котлеты по-киевски вытянули из моего кармана ещё около десяти рублей.
Папа, провожая меня, снова щедро отстегнул целых пятнадцать рублей!
Потом мы с Яной гуляли, любовались видами реки и нашего уютного красивого городка. Всё было романтично, замечательно и восхитительно.
Даже три рубля, потраченные на такси по вечернему тарифу,

показались такой мелочью, что думать о них совершенно не хотелось.
Вечер был очень многообещающим, но, к сожалению, быстро закончился.
Я, конечно же, ни словом, ни, Боже упаси, делом не пытался опережать события. Всё должно происходить своим чередом, по взаимному желанию и, разумеется, в своё время!
Обратно я пошёл пешком, чтобы немного сэкономить. Пять километров? Да тьфу на ваши пять километров после такого эмоционального фейерверка и бурлеска!
Уже в городе я догнал нежно обнявшуюся парочку и с

удивлением узнал в кавАлере (ударение по-польски!) собственного отца.
Я, конечно, слегка прифигел и не нашёл ничего лучшего, как, обгоняя их, сказать:
– Пап! Я уже иду домой.
Это нужно было видеть!
Батя отскочил от своей спутницы как ошпаренный и запричитал, забормотал что-то вроде:
– Я тоже… уже… сейчас… иду уже!
Через полчаса мы с ним курили дома в беседке. Он интересовался моими новостями, но в глаза мне старался не смотреть.
Я успокоил его и, немного подкалывая, пообещал ничего и ни о чём матери не рассказывать.